

Катеруша Светослав Александрович

старший преподаватель

Иванченко Андрей Алексеевич

старший преподаватель

Медицинская академия им. С.И. Георгиевского

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный

университет им. В.И. Вернадского»

г. Симферополь, Республика Крым

ВЫЯВЛЕНИЕ СПЕЦИФИКИ СОФИЙНОГО ДИСКУРСА КАК ИСХОДНАЯ ПРОБЛЕМА ПРЕПОДАВАНИЯ ФИЛОСОФИИ

Аннотация: в данной статье в соответствии с аналитико-герменевтическим подходом рассматривается проблема рецепции философских знаний носителями иных форм сознания. Экспликация этой проблемы является необходимой предпосылкой преподавания философии в качестве общеузовского предмета.

Ключевые слова: мудрость, сознание, софийный дискурс, *philia*, *sophia*, эпистема, коммуникация, общение, языковое высказывание.

Проблема преподавания цикла философских дисциплин студентам-медикам является частным случаем проблемы рецепции философских концептов нефилософами – носителями обыденного, научного и др. форм сознания. Подобная рецепция возможна лишь как интересубъективное понимание, имеющее, в соответствии с аналитико-герменевтическим подходом, в качестве априори язык и коммуникацию.

Первую и главную трудность в установлении коммуникативной ситуации здесь представляет принципиальное отличие философского дискурса от других его видов. Осознание студентами этой специфики является необходимым условием дальнейшей рецепции философских знаний.

Многочисленные определения философии как дисциплины, духовно-практической деятельности и т. д. никак не способствуют пониманию, поскольку не выходят на интерсубъективный уровень. Они, являясь продуктом саморефлексии, остаются в рамках философского дискурса. С другой стороны, повседневное сознание склонно редуцировать философские концепты к обыденным представлениям, апеллирующим к здравому смыслу, а научное – к опирающимся на эмпирический опыт и теоретический разум эпистемам.

Философское знание избыточно по отношению к повседневности и недостаточно с точки зрения науки. Философия маргинальна по отношению к ним, но эта маргинальность – не знак ущербности, но признак принципиальной инаковости. Эта инаковость не может быть преодолена, но может быть понята в акте живой коммуникации. Необходимую интерпозицию здесь обеспечивает герменевтический анализ языковых высказываний, составляющих те или иные философские концепты.

В качестве примера, иллюстрирующего вышесказанное, приведем хорошо известное высказывание «философия – это любовь к мудрости». С этого этимологического высказывания обычно начинается большинство курсов философии. Но оно само по себе, являясь дословным переводом с греческого на русский, скорее затрудняет понимание специфики философии, чем способствует ему, поскольку апеллирует к языку повседневности и к индивидуальному опыту сознания студента. В данном случае речь идет об обыденном и, отчасти, научном сознаниях, с точки зрения которых философия маргинальна и избыточна.

Вышеприведенное высказывание по сути является квазикоммуникативным, поскольку не учитывает дискурсивные различия акторов. Из него элиминируется «экстралингвистическая», в данном случае метафизическая, составляющая. Коммуникация прекращается так и не начавшись, распадаясь на два не связанных между собой автокоммуникативных акта в рамках различных дискурсов.

Обыденное сознание знает что такое любовь, имеет представление о мудрости, но сочетание «любовь к мудрости» для него оказывается не более чем метафорой, в то время как в Древней Греции оно возникло именно как концепт, наполненный глубоким содержанием. Попробуем его проанализировать.

Прежде всего, не вполне корректным представляется безоговорочный перевод древне-греческого «*philia*» русским словом «любовь», т. к. оно приобретает не свойственные ему коннотации возвышенного, духовного чувства, явно присутствующие в русском эквиваленте. Напротив, «*philia*», в отличие от «агаре», скорее страсть, страстное желание чего-либо, стремление к чему-то. В данном случае – стремление к «*sophia*» как к чему-то утраченному, трансцендентному. По словам Г.Г. Майорова: «Философия – это своего рода мистерия любви. Посвящаемый в нее влечется какой-то высшей силой от незнания к полноте знания и приводится в конце пути к состоянию исступления и самоотречения, ибо, окончательно овладевая предметом своей любви – мудростью, философ исступает из себя и перестает уже быть философом, растворяясь в мудреце. Поэтому истинная философия, как и всякая настоящая любовь, есть самопожертвование» [2, с. 139].

Слово «*sophia*» обычно переводится как мудрость. В русских толковых словарях слово «мудрость» определяется как свойство мудрого – обладающего большим умом, знанием жизни, опытом и имеет ярко выраженное ценностно-этическое смысловое наполнение. Этимологически оно восходит к индоевропейскому корню «*midr*», который, кстати говоря, имеется и в греческом языке.

Что касается «*sophia*», то в первоначальном словоупотреблении – это «разумное умение, реализующее себя в целесообразном творчестве» [1, с. 61], т.е. мастерство, совершенное владение чем-либо. Это слово фиксирует в себе представление о смысловой наполненности мира. Этот смысловой аспект, видимо, и инициировал появление философии как стремления

к постижению высшего смысла мироздания, совершенного знания, воплощенного в Логосе и мировой гармонии, восстановлению утраченной целостности мира и сознания. Ценностный и этический аспекты софии-мудрости актуализируются несколько позднее.

Истинная мудрость свойственна лишь богам, в чем первые философы отдавали себе полный отчет. Она не достижима смертными, но стремление к ней благородно и, по мнению греков, является высшим благом. Философ не обладает мудростью, но жаждет ею обладать. Он знает, что ничего не знает, вернее знает, что не может знать. Но он «хочет мочь знать» и исходит из презумпции возможности мудрости в немудром существе [3, с. 73–79]. Его дискурс разворачивается в модальности возможного.

Если традиционный мудрец, например, жрец или прорицатель, получает целостное знание путем инициации, то философ становится либо на путь духовного самосовершенствования и исследования состояний сознания (Восток), либо погружается в сложное творчество концептов, исследуя возможности вновь открытого в себе дискурсивного разума, в отчаянной попытке с его помощью восполнить покинувшую мир вместе с мифологической тотальностью мудрость и целостность (Греция).

Западная философия пошла, как известно, по второму пути. Путь этот труден и таит в себе внутреннее противоречие, ибо цель его – «дойти до самого бытия, скрытого и утаенного от всегда ограниченного самим собой дискурсивного разума, но всегда открытого для непосредственного общения с любящим его духом» [2, с. 151]. Вот это «непосредственное общение с любящим духом» и есть та самая «метафизическая добавка», которая так проблематична для опознания нефилософским сознанием, но которая как раз, и создает специфику софийного дискурса в сравнении, например, с научным.

Таким образом, преподавание философии энтелехийно есть ничто иное как «прививание» элементарных навыков подобного «общения». Такое «общение» есть диалог, начать который можно, лишь «освободив» студента от

«диктата» научного сознания. В итоге, философия как общеузовский предмет выступает в качестве едва ли не единственной альтернативы естественнонаучному образованию, открывая студентам иные, не сводимые к эпистеме, способы постижения реальности.

Список литературы

1. Аверенцев С.С. София / С.С. Аверенцев // Философская энциклопедия / Под ред. Константинова Ф.В. [и др.]. – М.: Советская Энциклопедия, 1970. – Т. 5. – С. 61–63.
2. Майоров Г.Г. Роль Софии-Мудрости в истории происхождения философии / Г.Г. Майоров // Логос. – 1991. – №2. – С. 139–151.
3. Эпштейн М.Н. Философия возможного / М.Н. Эпштейн. – СПб.: Алетейя, 2001. – 334 с.